

II

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО: МОДУСЫ СОЦИАЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК МОДУС КУЛЬТУРЫ

Ермоленко Г.А., Кожневников С.Б.

Политический символ и политическое сознание

В основе политического сознания лежит чувство политической общности, которое культивирует переживание причастности к единому культурному пространству, исторической преемственности и солидарности поколений, общности исторической судьбы. Идею политической сплоченности граждан как представителей большой социальной группы воплощают политические символы государства: герб, флаг и гимн. В пространстве политического языка исторические события обретают символический характер, переходят на метафизический уровень и продолжают существовать в особом модусе политического бытия. В таком случае для гражданского сознания государственный флаг может быть «островком Родины» даже далеко за её пределами.

Политический символ указывает на значение и ценность объекта политического сознания, – это конституирующий посредник мышления, одновременно объект и его результат, мысль, взятая в единстве с репрезентируемой в ней объективной действительностью. Символизация дополняет и интегрирует чувственный и рациональный опыт в единое смысловое поле культуры, внося в реальность физического мира уникальные следы человеческого присутствия, объединяя различные контексты человеческого опыта взаимодействия с ним.

На важный аспект содержания понятия «символ» указывает уже этимология слова (др.-греч. σύμβολον – «совместное бросание»), условный знак, сигнал). Символ как своеобразный орнамент культуры создает её общую палитру, создаёт целостное пронизанное человеческим присутствием историческое бытие. Примером символа может стать образ родного дома или обручального кольца. Между тем, «символ» – это по-прежнему кате-

гория, трудно осознаваемая на уровне обыденных представлений. В повседневной речи часто встречаются значения этого слова, противоречащие его изначальному смыслу. Например, когда мы обозначаем какое-либо действие как «чисто символическое», то предполагаем, что оно будет иметь характер чего-то симулятивного, несерьёзного, формального и неискреннего.

Подобные речевые практики затрудняют как понимание значения символа в культуре, так и связь символических порядков культуры с политическими традициями и идеалами. Игнорирование символической составляющей культуры может привести к эффекту «сдвига в сознании», когда человек, сталкиваясь с политическими реалиями, не знает, с чем их соотнести, в какую часть символического универсума культуры их «поместить». Опыт, вырванный из культурно-исторического контекста, не способствует формированию прочных убеждений, идеалов, ценностей и рассыпается на бессвязные образы прошлого и настоящего. В такой ситуации один образ без сожаления меняется на другой, формируя безразличие, конформизм и социальную апатию. Анализ символической природы политического сознания вносит важный вклад в обнаружение связей политического сознания с экзистенциальным измерением человеческого бытия, позволяет объединить политические идеалы с политическим действием, исторической практикой.

Л. Витгенштейн настаивал на том, что наши представления о реальности в конечном счёте формируются поэтическим воображением: «как я нахожу «правильное» слово? Как выбираю среди слов? Без сомнения, иногда я будто сравниваю их по оттенкам аромата: это слишком..., то чересчур..., а вот это подходит» [1, с. 320].

Изучая природу гражданского чувства, мы в свою очередь обнаруживаем в нём связь с эпическими сюжетами древней истории, обычаями и традициями, музыкальные и поэтические образы прошлого, выражающие уникальный художественный опыт национальной культуры. Эти элементы духовной культуры формируют особый опыт коллективного переживания, уникальное чувство сопричастности к значимым событиям, лежащим в основе коллективной политической идентичности. Поэтому вопрос о политической природе государства – это не в последнюю очередь вопрос об истоках формировании гражданского самосознания.

Для современного политического сознания характерна связь с эгалитаристскими представлениями, которые находят выражение в феноменах массовой культуры и интегрированными с ней консьюмеристскими запросами, формирующимися в обществе массового потребления. Поэтому современное политическое сознание неизбежно связано с практиками мифотворчества. В обществе массового потребления социальное мифотворчество становится важным модусом политического сознания, что проявляется в преимущественно утилитаристских установках большинства политически активных социальных акторов.

Массовая культура зарождается в эпоху Нового времени и связана прежде всего с процессами секуляризации, индустриализации, урбанизации. В конечном счёте эти процессы приводят к нигилистической «переоценке» ценностей на рубеже XIX-XX вв. В XX веке массовая культура становится едва ли не главным фактором инкультурации и индоктринации, формируя специфическую психологию «массового человека». В таком качестве массовая культура становится универсальным культурным кодом, характеризующим систему представлений, свойственную современному обыденному сознанию. Потребительская же культура по своему функционалу гораздо шире. В отличие от массовой, она функционирует не только в области обыденного и массового сознания, но и затрагивает специализированные сферы деятельности, опираясь при этом на принципы экономической рациональности. В этом смысле потребительская культура развивается и функционирует преимущественно в экономическом сегменте жизни общества.

Итак, траектория формирования политического сознания определяется особенностями политической культуры и в корне отличается от процесса формирования этнической идентичности. Для возникновения у индивида гражданских чувств недостаточно принадлежности к определённой этнической группе. Политическое сознание формируется в пространстве политического дискурса, а политический дискурс в свою очередь легитимируется культурными практиками, затрагивающими вопросы языка, образования, науки, искусства и т.д.

Х. Ортега-и-Гассет в эссе «Размышления о Дон Кихоте», используя известную историю «рыцаря печального образа», характеризовал фундаментальную потребность в символизации как

неизбежное проявление человеческой воли к культуре: «Куда следует поместить Дон Кихота – с той или с другой стороны? Мы не можем однозначно отнести его ни к одному из двух противоположных миров. Дон Кихот – линия пересечения, грань, где сойдутся оба мира. Если нам скажут, что Дон Кихот принадлежит всецело реальности, мы не станем особенно возражать. Однако сразу же придется признать, что и неукротимая воля Дон Кихота должна составлять неотъемлемую часть этой реальности. ... Вот почему с такой удивительной легкостью он переходит из унылого зала таверны в мир сказки. Природа его погранична, как, согласно Платону, человеческая природа в целом» [3, с. 131].

Языковые факторы формирования политического сознания

Развитие политического сознания – важнейшая социальная задача политического дискурса. Сама знаково-символическая структура политического языка оказывает значительное влияние на развитие гражданской идентичности. Язык является хранителем ценностей, идеалов. Синтаксис и семантика политического языка регламентируют процессы формирования и трансляции политических компетенций граждан, способствуют развитию политических чувств и навыков совместного решения вопросов публичного значения. Язык представляет собой важнейший фактор формирования и социального функционирования политического сознания. Языковая картина мира определяет лингвистические горизонты общественной жизни человека и способствует формированию политической культуры.

Ситуации использования перформативных выражений в политическом дискурсе в значительной мере детерминируются синтаксисом и прагматическими аспектами функционирования языка. Язык в имплицитной форме содержит картину мира, в рамках которой действия социальных акторов обретают политический смысл. Таким образом политические дискурсивные практики опираются на конкретный историко-культурный материал и реализуют символические ресурсы языковой картины мира.

История и культура выступают символическим пространством, обеспечивающим смысловую связность ментальным репрезентациям. В качестве подобных репрезентаций выступают также знаки принадлежности к социальной общности, символическому культурному универсуму, различные способы легити-

мации гражданского дискурса, связанные с характером политических традиций и политического самосознания, свойственного политической культуре того или иного народа.

Символ – это основной элемент культурной реальности, представляющий её ментальную конституцию. В символическом универсуме культуры находят выражение важнейшие ценности, с которыми человек соприкасается в процессе производства социального порядка. Поэтому религиозные и политические символы сообщают культуре сакральное измерение, обеспечивают связь человека с миром трансцендентных целей, которые не могут быть реализованы посредством индивидуальных действий, а предполагают формы представления индивидуальной воли религиозными и политическими институтами. Важнейшим из таких институтов является государство.

Таким образом политические институты представляют собой своеобразные манифестации языковой картины мира, выраженные посредством государственной символики, знаками геральдики и другими атрибутами принадлежности к политической общности. Язык связывает воедино различные аспекты символической реальности культуры.

Идеология в символическом пространстве культуры

Идеология представляет собой не только важный элемент в структуре политического сознания, но и определяет особенности мышления как социального явления в той степени, в какой оно обусловлено историческим и социально-культурным опытом человека. «Идеология как система любых идей, а не только политических, как интерпретация бытия, была, есть и будет имплицитно встроена в социальную ткань любого общества» [2, с. 8]. Для демонстрации действенного потенциала идеологии, того как она конструируется и работает в современном обществе обратимся к показательному визуальному материалу. В кинематографической антиутопии «Club Zero» (2023) режиссёра Джессики Хаузнер главная героиня мисс Новак ведет в элитной школе занятия по «осознанному питанию». Новый школьный предмет призван изменить отношение к общепризнанным культурным практикам путём манипуляции чувством голода, которое полностью ставится в зависимость от сознания. Целью изменения отношения к питанию декларируется стремление внести вклад в решение гло-

бальных проблем современности: продовольственной и экологической.

Согласно убеждениям мисс Новак, потребность в пище не является естественной потребностью человеческого организма, а спровоцирована современным обществом потребления. Ограничения в пище вводятся ею для преодоления негативных последствий общества потребления в целях противодействия антигуманным интересам производителей продуктов питания. Мы узнаём, что речь идёт о пресловутых транснациональных корпорациях, деформирующих природу человека в эгоистическом стремлении к получению прибыли. Для противодействия хищническим устремлениям компаний необходимо отказаться от пищи животного происхождения, сократить объем питания, а затем и вовсе перейти на самовоспроизводство организма, запустив тем самым процесс его самоочищения.

Новая пищевая идеология мисс Новак входит в явное противоречие с привычными для общества представлениями о здоровом питании, формируя при этом условия для реализации некоего альтернативного образа жизни. Однако внедрение альтернативных культурных практик на первом этапе опирается на институциональную поддержку и осуществляется при активном участии администрации школы. Посещение занятий мисс Новак является обязательным, а ученику, отказывающемуся следовать рекомендациям мисс Новак, угрожают неаттестацией. В результате давления других учащихся в группе он также становится приверженцем практики «осознанного питания».

Курс мисс Новак изначально вводился по инициативе родительского комитета школы. По общему убеждению представителей администрации школы и родительской общественности, «осознанное питание» должно было способствовать формированию у школьников здорового образа жизни. Однако с течением времени выясняется, что, разделяя убеждения мисс Новак, следуя её предписаниям, ученики разрывают привычные связи с обществом. Они вступают в конфликты со своим ближайшим окружением, разрывают доверительные отношения с родителями, которые, заподозрив неладное, бьют тревогу в связи с отказом детей от пищи.

В итоге пищевая идеология приводит к созданию новой символической реальности: системы идеалов, ценностей, ритуальных

практик. Господствующая в группе дисциплина духа и тела создает сплоченную социальную единицу, члены которой объединены общими сакральными практиками и едиными представлениями о действительности. Сначала школьники тщательно оберегают свое сакральное пространство, скрывают от ближайшего окружения свои истинные намерения, симулируя прием пищи. Но затем переходят к явным формам протеста, вступают в противоборство с близкими и в какой-то момент попросту исчезают.

Что же случилось с новоиспеченными последователями мисс Новак? Школьники вместе со своим преподавателем перемещаются в символическую реальность, созданную политическим воображением самой мисс Новак. Метафорическими средствами режиссеру удалось показать переворот, произошедший в сознании адептов этой новой ментальной практики. Они «вошли» в новую реальность, оказались персонажами картины, висевшей дома у одной из учениц. Эта картина в качестве образа параллельной альтернативной реальности сопровождает зрителей на протяжении всего фильма.

Анализ кинематографического исследования, проведенного Джессикой Хаузнер позволяет сделать вывод, что само общество является феноменом культуры, а социальные отношения выстраиваются на основе совместного использования символических конструкторов. В основе социальной сплоченности лежит повседневная жизнь человека, окруженного символическими реалиями, которые он принимает в качестве незыблемого основания своего существования. Принятие новых культурных практик, нового образа жизни происходит при помощи тех же самых традиций и институциональных регламентов, которые санкционируют привычные устоявшиеся формы социальных отношений.

Деятельное участие в принятии новых символических регуляций в культуре осуществляется через различные формы симуляции и внешнего конформизма, когда уже по сути новая культурная практика сохраняет видимость следования привычным поведенческим образцам. Общепринятые культурные практики основаны на убеждениях, проявляющихся в деятельном принятии человеком тех или иных ценностей, отказ же от них фактически означал бы для него выход из сообщества. Изучение процессов индоктринации, освоения новых культурных практик, позволяет понять, насколько пребывание человека в символическом пространстве

культуры связано с воздействием на его сознание идеологических систем, транслирующих политические ценности, убеждения и интересы.

Литература

1. Витгенштейн Л. Философские исследования. М., 2018. 349 с.
2. Идеология: Социальная теория и практика. Монография / Отв. ред. А.В. Жукоцкая. М., 2017. 208 с.
3. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. 587 с.